

Журнал «Кровь5»: «Оксана, которая чувствует ложь»

Оксана Денисенко — потенциальный донор костного мозга и полиграфолог в управлении Следственного комитета по Мурманской области. Она уже одиннадцать лет проверяет людей на детекторе лжи. Как изворачиваются подозреваемые, что скрывают соискатели и почему к экспертизе надо готовиться неделю, Оксана рассказала нашему корреспонденту Егору Парфенову.

— В 1996–1997 годах у нас был героиновый бум. Половина моего школьного класса пристрастилась к наркотикам. Это все тоже повлияло на выбор профессии: либо ты пассивно отходишь, либо принимаешь сторону тех, кто употребляет наркотики и совершает преступления, либо хочешь это как-то остановить — защитить друзей и родственников, — начинает свою историю Оксана Денисенко.

Она родилась в Мончегорске — городе, выросшем в 1930-е годы вокруг комбината «Североникель», где выплавляли самые разные цветные металлы, от меди до палладия.

В 1990-х комбинат приватизировали, а в Мончегорске выросла преступность.

— Тогда с завода похищали очень много никеля, платины и палладия. Металлы очень дорогие, люди их воровали целыми вагонами, позже все продавали за рубеж. Каждый год в городе совершали несколько заказных убийств. Стрелять могли в любое время дня и ночи, — вспоминает Оксана.

В 1999 году она закончила московский юридический колледж. После окончания вернулась в Мурманскую область и пошла работать в милицию. Начинала с детского спецприемника. Туда помещали несовершеннолетних, которые уже совершили преступление, но в силу возраста их еще нельзя было подвергнуть уголовному наказанию. В основном это были подростки 14 — 15 лет, но попадались дети и помладше. Самым маленьким подопечным Оксаны был десятилетний мальчик.

— Эти подростки гораздо страшнее взрослых преступников, — объясняет она. — С ними невозможно договориться, и у них нет никаких моральных принципов. Если они убивают, то они просто убивают без какой-либо осознанной мотивации. В большей части к нам попадали подростки, которые угоняли автомобили, отбирали деньги у пожилых или жестоко избивали сверстников и родных. Но были убийцы и даже дети, которые продавали свою знакомую дальнбойщикам. Сами догадываетесь, для чего...

Через три года Оксана перевелась в управление по борьбе с организованной преступностью. До 2009 года она была оперуполномоченной. В основном искали заказчиков убийств и преступников, которые совершали хищения в крупных объемах.

— Прежде всего нам нужно было предупредить преступление или поймать его организаторов на стадии подготовки, — вспоминает Оксана. — В отличие от других подразделений, у нас были более современные технологии — в том числе и полиграф, который меня очень заинтересовал.

Полиграф — специальное устройство, которое фиксирует состояние организма у опрашиваемого человека и помогает понять, скрывает он интересующую правоохранительные органы информацию или нет. Но без опытного полиграфолога толку от него немного.

Прибор следит за частотой дыхания и сердцебиения, давлением и кожно-гальваническими реакциями. Результаты выдает на графиках, по которым сотрудник прослеживает, где собеседник сильнее волнуется — а значит, может скрывать что-то важное. Чаще всего процедуру с полиграфом проводят во время расследования, до судебного разбирательства. Иногда суд сам может вынести решение провести экспертизу — такое на памяти Оксаны было только один раз.

— Изначально мы первыми работаем с людьми, которые позже получают пожизненные сроки. Они еще даже не имеют статуса подозреваемого, а просто находятся в очереди людей, которым даже юридически ничего не предъявили. Психологически полиграфологу очень тяжело первым заявлять, что человек совершил преступление, — рассказывает Оксана.

Уголовными делами работа не ограничивается — в СК Оксана проводит и кадровый отбор. Все, кто пытается устроиться в следственное управление или получает повышение в должности, проходят полиграф. Здесь можно проверить, не утаил ли человек совершенные когда-то преступления. Если так вскрываются небольшие нарушения у уже работающих сотрудников, то им отказывают в повышении. Но серьезных поводов, из-за которых можно уволить, пока не было.

— Один раз к нам пытался устроиться мужчина, который устраивал закрытые вечеринки, на которых проводили очень фривольные конкурсы. Об этом мы узнали только после полиграфа, — вспоминает Оксана. — А были случаи, когда выясняли, что на прошлой работе человек брал взятки и крал имущество.

Правила беседы

К 2007 году Оксана уже была знакома с несколькими полиграфологами и немного знала принципы их работы. Девушка попросила отправить ее на первоначальное обучение. Начальство пошло навстречу.

— Так я на полтора месяца попала на ведомственные курсы подготовки. Отбор был очень жесткий — из 70 с лишним человек взяли около 20. Меня выбрали во многом из-за особенностей характера и воспитания: у меня была строгая мама — с детства приходилось улавливать определенные черты ее настроения, чтобы понимать, как при ней себя вести. Там мы изучали основы: физиологию человека, методы профайлинга, создавали тесты, проводили короткие опросы и обрабатывали версии расследования, отмечая или подтверждая участие подозреваемого в преступлении.

Потом она проходила короткие курсы у гуру полиграфологии. Например, у Юрия Ивановича Холодного — он считается основателем этого направления в правоохранительных органах в нашей стране. В 2009 году Оксана трудоустроилась в Мурманский следственный комитет — ее пригласили в отдел криминалистики на должность полиграфолога. Там ей чаще всего приходится работать с предполагаемыми убийцами, насильниками и педофилами. Но иногда в их отдел обращаются другие правоохранительные органы, если какое-то дело уже давно не удается раскрыть.

В год Оксана проводит около 70 экспертиз по уголовным делам. В них входят работа как с подозреваемыми, так и с потерпевшими или людьми, которые знают подробности преступления.

Перед каждой такой процедурой Оксана очень подробно изучает само дело: просит предоставить все материалы и документы, изучает улики, обнаруженные на месте преступления, беседует со следователями и отсматривает все видео с подозреваемыми — наблюдает, как человек ведет себя на допросе.

— У меня есть целая неделя на подготовку, но мало времени на то, чтобы настроиться на самого собеседника. Буквально я забираю человека на первом этаже здания СК и, пока еду с ним на лифте до моего кабинета, должна понять, как с ним себя вести. Кого-то нужно пожалеть, а кого-то пожурить, как мама ребенка. Иногда мне приходится надевать форму для внушительности, иногда — белый халат, чтобы обезличить себя и скрыть половые признаки. Полиграфолог — сложная профессия. Тебе нужно, как актеру, пропустить через себя все, что произошло, чтобы понять, что человек успел пережить и запомнить, — рассказывает Оксана.

По каждому человеку она составляет план беседы. Даже если по одному убийству есть десять подозреваемых, на каждого надо приготовить разные вопросы — в зависимости от жизненного опыта собеседника, его образования и других факторов.

Вопросы делятся на три группы: контрольные, нейтральные (они снижают напряжение от контрольных вопросов и показывают реакцию организма на простые ответы) и предназначенные для проверки работы полиграфа. Обычно их соотношение равное — по трети от каждой группы.

Далеко не все подготовленные вопросы идут в работу. Но многое может зависеть от самого вида преступления.

— Один раз мы искали пропавшего человека, — вспоминает полиграфолог. — Перед допросом с похитителем мне пришлось перебирать в голове все предполагаемые локации. В итоге я спросила подозреваемого о 74 местах, где можно спрятать тело. По полученным реакциям сделала выводы, что тело находится в озере возле одного из небольших городков Мурманской области. Там пропавшего потом и нашли.

Вначале Оксана проводит установочный тест. Результаты полиграфолог показывает собеседнику, поясняя, что устройство работает. Это обязательная процедура, подход к которой у каждого сотрудника разный.

— Я могу попросить человека скрывать собственное имя, — говорит Оксана. — Затем устанавливаю датчики, настраиваю полиграф и называю собеседнику ряд имен — с его именем в том числе. На все имена ему нужно ответить одинаково «нет» — но на его имени полиграф должен показать другой результат. Вместо имени я могу попросить написать цифру и повесить ее на стену перед обследуемым — тогда я перечисляю цифры. Позже я могу показать на полиграммах, что на каждом ответе показатели равные, а на том, где человек солгал, они резко изменились.

Это производит на обследуемых такое впечатление, что некоторые сразу во всем и признаются. Было, например, непростое расследование: убийство 17-летней девушки, которое произошло 15 лет назад. К подозреваемому почти каждый месяц приходила полиция, но он все время говорил, что никого не убивал и не знает, что произошло с той девушкой.

— А когда тот мужчина сел в кресло у моего полиграфа и увидел результаты пробного теста, то сказал, что во всем готов признаться, — рассказывает Оксана. — Просто он во время беседы понял, что я не буду задавать ему вопросы из разряда: «Вы ли ее убили?» Что мы отработаем даже мельчайшие детали, которые все покажут.

Вся процедура длится от полутора до четырех часов. В случаях, когда полиграфолог не уверен в правильности реакций, он может заявить ходатайство о проведении экспертизы — чаще всего психиатрической. Иногда у человека очень низкий интеллект, который трудно не заметить в разговоре, из-за этого он неправильно воспринимает поставленные вопросы. Тогда Оксане приходится адаптировать их под собеседника.

Полиграфолог — работа во многом психологическая. Необходимо подстроиться под человека и понять его психотип — он, по мнению Оксаны, неизменный. Человек может поменять свое отношение к обществу и скорректировать свое поведение, но глобально изменить характер — никак. С опытом она поняла, как важно его определять у собеседника:

— Жесткие и эксцентричные преступники боятся еще более жестких людей. Если они поймут, что тебя не запугать, то будут вынуждены либо спастись, либо признаться. Поэтому с ними надо вести себя строже, чем с остальными.

Другое дело, когда приходится беседовать, например, с жертвами насилия — к ним нужен совсем другой подход. Кроме того, полиграфологу очень важно абстрагироваться от того, что подозреваемый совершил или мог совершить, — даже выражением лица нельзя показать, что испытываешь к ним эмоции. Хотя иногда приходится даже проявлять сочувствие.

— Был один пожилой мужчина, который несколько лет совершал сексуальные преступления в отношении своей внучки, — вспоминает Оксана. — Чаще всего при таких преступлениях не остается никаких видимых следов, поэтому признание самого насильника — очень редкая и ценная вещь. С ним несколько дней работали разные следователи, и никто не мог найти нужный подход. Я же решила быть с ним помягче — предложила чай, в спокойной и дружелюбной манере вела предварительную беседу. Так он даже до установочного теста начал все рассказывать.

Хитрости и уловки

Защититься от полиграфа преступнику трудно. На беседе может присутствовать адвокат, но ничего говорить он не может — только проконсультировать клиента до начала беседы.

Обмануть прибор, по словам Оксаны, почти невозможно. Можно только схитрить и избежать проверки. Например, к полиграфу не допускают беременных женщин, людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями и эпилепсией, а также принявших антидепрессанты или алкоголь — преступники этим пользуются.

— У нас было расследование одного очень крупного хищения, — приводит пример Оксана. — На исследование по этому делу приехал мужчина из Петербурга. Перед беседой я опрашиваю его и говорю: «Ой, да вы подготовились — вы в легкой стадии алкогольного опьянения». А подозреваемый мне отвечает: «Нет, что вы... Я в средней — как раз напился, чтобы не пройти полиграф». Мы такие уловки не можем интерпретировать как признание в преступлении. Но мы можем этот момент отметить в заключении. Позже оказалось, что он и правда был соучастником кражи.

Подозреваемые все же могут сместить данные полиграфа в свою пользу. Но таких случаев у Оксаны было крайне мало.

— Однажды у нас давал показания человек, которого заподозрили в жестоком изнасиловании, — рассказывает она. — Я с ним работала четыре часа и понимала, что в результатах что-то не то. Останавливаю проверку, прошу следователей направить его на анализ крови — вдруг он принимал успокоительные препараты. Анализ оказался отрицательный. Позже я провела с ним беседу в более жесткой манере. Он мне пояснил, что проходил специальное обучение и знал, как вести себя на допросе и успокаивать свою нервную систему, как стабилизировать реакции на полиграфе. Стало понятно, что если человек с такими познаниями специально пришел обманывать меня, то он не свидетель, а участник. Позже жертва изнасилования сама опознала его.

Оксана работает полиграфологом в Мурманске уже одиннадцать лет. К этому времени она успела помочь следователям и из других регионов — на допрос к ней привозили подозреваемых из Карелии, Калининграда и Чечни.

— За время работы у меня уже наработан авторитет, — объясняет она. — Я научилась понимать психологию не только подозреваемых в преступлении, но и людей, которые уже отсидели 13 лет в тюрьме и должны отсидеть еще столько же.

Некоторые киллеры на пожизненном могут во время допроса сделать Оксане своеобразный комплимент — сказать, что она в определенных кругах известна как хороший специалист.

— Даже те, кто уже отбыл наказание, но подозреваются в других преступлениях, к которым они непричастны, просили оперуполномоченных поговорить со мной, — признается полиграфолог. — Говорили: «Мы готовы дать показания, но при этом требуем пройти полиграф у Оксаны Николаевны. Мы знаем, что она поступит честно и даст действительно правильное заключение — что мы непричастны».

Ценного специалиста звали работать в Москву, но та отказалась — не хочет бросать малую родину, да и заново набирать авторитет в Москве уже, по ее мнению, поздно. Вдобавок Оксана не хочет покидать семью: мужа Владимира и трех детей, Кристину, Ярослава и Олега:

— Семья очень помогает мне справиться со всем стрессом на работе. Я знаю, что в европейских странах больше пяти лет за полиграфом работать не рекомендуют. Это и понятно — психологически очень тяжело разговаривать с убийцами и насильниками по десять раз за месяц. Я стараюсь просто не думать о работе в свободное время.

Кстати, именно от дочки Кристины Оксана узнала о донорстве костного мозга. Та училась на журфаке, и на третьем курсе ее попросили раскрыть эту редкую, но важную тему. Так Кристина вышла на реальных доноров костного мозга. Позже она нашла родителей, которые не смогли подобрать генетического близнеца для собственного больного ребенка. Обо всех героях материала девушка рассказала матери.

Кристина тоже хотела типироваться, но врачи диагностировали у нее аутоиммунное заболевание. Так что эстафету перехватила сама Оксана:

— Меня эта тема очень заинтересовала. Особенно удивило, как мало человек числится в российском регистре доноров. Я стала обсуждать это на работе с другими сотрудниками. Позже узнала, что одна моя коллега типировалась, и я последовала за ней. Мы ведь на службе часто видим смерть и страдания потерпевших. В таких ситуациях спасти людей — это наши будни. Способы могут быть разные, но цель — одна.

Подготовил Егор Парфенов

[ИНТЕРВЬЮ В ИСТОЧНИКЕ](#)

14 Декабря 2020

Адрес страницы: https://murmansk.sledcom.ru/press/SMI_o_nas/item/1522763